

**ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА
И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ.
СЕМЬЯ И ДЕТСТВО ***

Главная тема этого конгресса — «Жизненный цикл» — сначала очень затруднила меня, даже вызвала какое-то чувство неловкости: уж слишком она напоминает «добрые старые времена» «фолькскунде», когда материал подразделялся на «обряды и обычаи годичного цикла» и «обряды и обычаи жизненного цикла». Тогда исследователю приходилось ощупью пробираться от одного классического жизненного этапа к другому — от колыбели до гроба: беременность, рождение и крестины, детские игры и поступление в школу, первое причастие и конфирмация, юношеские объединения — буршеншафты, девичество, любовь, обручение и свадьба; наконец, последний этап — на много страниц, а вслед за тем длинный перерыв до болезни, смерти и похорон.

Почему формула «Обряды и обычаи жизненного цикла» так безнадежно устарела? Сначала кирпичикам, объединенным этим названием, не хватало точной временной шкалы, т. е. исторического измерения. Имеется в виду не точная датировка, а скорее — связь обычаев и обрядового поведения с определенной, ограниченной социально-историческими рамками системой правил.

Старая «фолькскунде» исходила из представления о стабильном, стандартизованном «жизненном пути», не рассматривая его ни в диахронном разрезе, ни в свете синхронной социальной дифференциации. Мы обязательно должны будем ставить эти вопросы, так как, описывая жизненный цикл, мы выявляем информацию, переданную определенной системой знаков. Обычно эти знаки соответствовали доиндустриальной эпохе, в которой жизнь индивидуума была сориентирована на нормы семьи и группы и зафиксирована обрядовыми санкциями. Средоточием таких представлений был постоянно повторяющийся в народной графике знак — лестница жизни. Отдельные ее фазы представлены в виде ступеней и твердо определены, так что не спутаешь — внешность и поведение 20, 30, 40-летних и т. п.¹ На лубках XIX в. эти фигуры, как видно по одежде и манерам, изображают людей буржуазного сословия, что должно усилить впечатление о прочности общественной системы, хотя подобные притязания становились все менее реальными, поскольку новые формы индустрии и сельского хозяйства влекли за собой непрерывное социальное движение и региональную мобильность. Повышение престижности понятия «бюргер», образованного от слова «горожанин», «буржуа», объяснялось тем, что эти термины означали имущих; снижение понятия «неимущий» до «пролетария», изобретение некоего четвертого сословия — все это показало, сколь обветшала уже словесная лестница. В мире современности выросло значение отдельной личности, чаще всего стремящейся уйти от стабильных правил своей локальной общности и считать их устаревшими.

Процессы социальных изменений в разных слоях общества происходят не одновременно². Так, например, в городской семье уже в XIX в., начиная с так называемой индустриальной революции, постепенно утверждается и вместе с тем освобождается индивидуальность; в деревне же система патриархальной семьи, ведущей совместное хозяйство, где один зависит от другого, существовала еще очень долго и в нашем веке. Это означало жесткую зависимость от норм поведения, но вместе с тем и надежность густой сети связей и ментальностей.

* Доклад на III конгрессе Международного общества этнологии и фольклористики Европы, проходившем 8—12 апреля 1987 г. в Цюрихе.

¹ Die Lebensstreppe. Bilder der menschlichen Lebensalter. Eine Ausstellung des Landschaftsverbandes Rheinland. Bonn, 1983.

² Weber-Kellermann I. Landleben im XIX. Jahrhundert München, 1987.

Мы подчеркиваем историчность феноменов, сопровождающих различные стадии жизненного цикла, и не столько ради выяснения их культурно-исторического генезиса, что, разумеется, тоже важно, сколько ради исследования их социальной обусловленности, социального контекста, в котором они функционируют. И тем самым мы подошли еще к одному пробелу в прошлом науки: я имею в виду пренебрежение к смыслу и значению поведения, определяемого ментальностями лиц, участвующих в отправлении обряда, с характером механизма их функциональной самоидентификации³. Это означает исторический подход, выходящий за рамки отдельных феноменов, понимание культурных ценностей как ценностей символических, составных элементов кода, механизм которого воспринимается на уровне ментальности. Одновременно это что-то говорит нам и о механизме действия самой традиции.

Когда я перехожу к рассмотрению источников, имеющихся в распоряжении исследователя культуры, приступающего к интерпретации этапов маркировки жизненного цикла, то поначалу кажется, что им нет конца. Тут и этнографические атласы — немецкий, швейцарский и австрийский; есть, конечно, множество опубликованных и неопубликованных местных архивов, которые дают сведения прежде всего о поведении сельского населения. Но наряду с этими традиционными материалами, в качестве источников выступают и устные воспоминания, мемораты («oral history»), а также опубликованные автобиографии и воспоминания, в которых можно найти сведения, типичные для какого-то времени или какой-то социальной или возрастной группы.

Обширный материал о жизненных этапах дает и этнографическая иконография. Имеются в виду портреты, причем изображения используются вне зависимости от их художественного качества; важно лишь передаваемое ими сообщение, прочтение и расшифровка которого является важной задачей нашей науки. В рассматриваемом случае, для темы «Жизненные этапы», пригодны как картины, так и фотографии, сопровождающие жизненные этапы⁴. Знаменательна сама традиция фотографирования — посещения фотографа на переломных этапах жизненного пути, а также обычай хранить эти фотографии как памятный документ в семейном альбоме и дарить их родственникам и друзьям. По утверждению Бурдые, речь здесь идет о моментах жизни, выделяющихся своей праздничностью; об этом говорит даже сама поза на фотографии. Так, например, в старину в крестьянской среде эстетическим принципом фотокомпозиции для свадебной пары был застывший анфас⁵ (сосредоточенная шаблонная поза со взглядом, направленным прямо в линзу, на фотографа как заместителя всех будущих созерцателей фотографии); это избавляло также от опасения выглядеть неловко перед фотообъективом. Тем самым были соблюдены и нормы приличия. На этих старинных фотографиях действовали эстетические и социальные нормы, противоположные «естественности» и непринужденности, которых добиваются современные городские фотографы. Несмотря на то что обычай фотографироваться появился в деревне гораздо позже, чем в городе, он держался там гораздо дольше (фиксировались решающие моменты жизненного цикла); именно в сельских условиях сложилась специфическая эстетика фотографий в контексте принятой здесь системы символов: фотографируемый не застигнут врасплох, а становится в позу, глядит прямо в камеру, стоит во весь рост с сознанием своего достоинства в центре фотографии на определенном расстоянии от фотографа⁶.

После этого краткого обзора источников вернемся к нашей теме. Понятие «жизненный цикл» подразумевает, как мне кажется, систему жиз-

³ Weber-Kellermann I. Saure Wochen — Frohe Feste. Fest und Alltag in der Sprache der Bräuche. München, 1985. S. 10 ff.

⁴ Korff G. Kultur//Bausinger H., Jeggle U., Korff G., Scharfe M. Gründung der Volkskunde. Darmstadt, 1978. S. 29.

⁵ Bringeus N. Volkskundliche Bildkunde. München, 1982. S. 14 ff.

⁶ Bourdieu P. u. a. Eine illegitime Kunst. Die sozialen Gebrauchsweisen der Photographie. Frankfurt, 1983. S. 90 ff.

ненных правил на различных этапах, причем эти правила существенно варьировали в разных исторических и социальных средах и, конечно, они всегда проявляются в индивидуальном поведении. Жизнь современного человека делится обычно, как отметил Коли, на три жизненных этапа, в основе которых лежит отношение к трудовой деятельности: подготовительная фаза (детство и юность), фаза активности (взрослая жизнь) и фаза отдыха (время старости, пенсионное время)⁷. При такой классификации наиболее разрушительным фактором выступает безработица, так как она приводит к насильственному нарушению нормы, и чаще всего те, кого она коснулась, преодолевают ее с большим трудом, не говоря уже о материальной нужде.

В городской семье предындустриального периода, а в сельской местности достаточно долго и в нашем столетии отрезки жизненного цикла были индивидуализированы куда меньше, чем в современном обществе. Выражалось это в большой роли обычаев, регулировавших поведение коллектива. Структура ступеней жизненного цикла определялась обязательными возрастными границами, и люди, принадлежавшие к определенной возрастной когорте, двигались все вместе с одной ступеньки на другую, причем для всех наступали похожие или одинаковые изменения. Признаки возрастных ступеней, границы дозволенного и запрещенного твердо установлены, и их отличия проявляются в коллективном, а не в индивидуальном сознании. Таким образом, весь ход жизни в таком доиндустриальном обществе выглядел как заранее установленная программа, как план, выросший на базе этого общества и почти не оставляющий простора для индивидуальных действий. В современности новые социальные условия открывают возможности свободного развития собственной индивидуальной биографии. Но в силу укоренившихся представлений о привычном делении на ступени жизненного цикла возникло несоответствие между традиционными механизмами и их индивидуальным преодолением⁸. Обширное поле специальных связей, отличающееся развитой во многих направлениях структурой, является фоном для всех этапов жизни человека и требует поэтому весьма дифференцированного рассматривания. Но это еще непочатое поле!

Поэтому мне придется ограничиться одной жизненной ступенью от детства до отрочества. Но так как невозможно коснуться всех сторон даже ограниченного этим периодом поля исследования, я приведу лишь ряд примеров, с помощью которых постараюсь наглядно представить историческую и социальную дифференцированность нашей основной темы. К принятым в науке крупным научным категориям: историческому времени, социальной приуроченности, половой дифференциации — я добавлю еще и субъективно-психологический момент: о чем вспоминает отдельно взятая личность, если попросить ее восстановить самые впечатляющие моменты детства? И сразу же в биографии появляются этапы, не совпадающие со ставшими уже традиционными ступенями: крещение — первое причастие — конфирмация. Об этапах, намечающихся при таком подходе, говорил и Мартин Шарфе⁹ (этап «мотоциклетный», этап «в ботинках, панталонах и при галстукке», этап «безгалстучный» или этап «построждественский») — отрезках жизни, памятных каждому как сугубо личные в общем течении его социальной жизни. Рассмотренные в таком аспекте знаки перестают быть связанными только с определенным предметом и превращаются в социально-культурные понятия. В данной статье я не буду углубляться в отдельные судьбы, а попытаюсь четкой расстановкой понятных знаков связать индивидуальные воспоминания в типичные, поддающиеся интерпретации жизненные этапы, имеющие коллективное значение.

⁷ Kohli M. Die Institutionalisierung des Lebenslaufs//Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1985. Hf. 1. S. 1 ff.

⁸ Weber-Kellerman I. Saure Wochen — Frohe Feste... S. 18 ff.

⁹ Scharfe M. Über «private» and «öffentliche» Zeichen und ihren sozialkulturellen Kontext//Umgang mit Sachen. Volkskunde-Kongreß. Regensburg, 1981. S. 284.

Я начну с феномена «опанталонивания» (*Behosung*) — момента, некогда столь вожделенного для мальчика, когда он получал свои первые штаны¹⁰. Из истории костюма нам известно, что в старое время ввиду отсутствия практичного, стирающегося белья дети носили под верхним платьем одну только рубашечку. Из тех же гигиенических соображений мальчики, как и девочки, носили широкие юбочки до тех пор, пока они не становились грязными. На знаменитых старинных детских портретах нередко можно видеть «мальчика в девичьем платье», как это обычно значится в истории искусства. Этот феномен нередко приводил к ошибкам в толковании картины. Такой стиль одежды был обычным для детей до 4—5 лет, периода, не знавшего социального различия, который Арье называл «возрастом баловников»¹¹. Так одевали своих детей все сословия, хотя воплощалась эта мода в одежде весьма различного качества: у крестьян это — свободная рубаха или длинная блуза, у «благородных» — тщательно сработанные костюмы из дорогих тканей.

Здесь исследователь культуры встречается с отчетливо знаковым отношением общества к маленьким детям. Я бы не снабжала изображение этих маленьких мальчиков в юбочках подписью «мальчик в девичьей одежде», которая заставляет предположить, что ребенок выполняет отведенную ему роль, чего не было на самом деле. Скорее оба пола в этом возрасте рассматривались как нейтральные, что отчасти связано, конечно, с отношением к маленькому ребенку как к вообще невинному и бесполому. Убедительно доказано (особенно — Арье), что дети в первые годы своей жизни были наиболее подвержены разнообразным опасностям¹². В европейском средневековье и на заре нового времени всем людям кроме обычных опасностей угрожали еще война и чума. У женщин к этому добавлялись опасения за удачный исход беременности и родов, а у детей — болезни детского возраста при отсутствии эффективной медицинской помощи. Примерно до 1800 г. любые роды, хоть чем-то отклонявшиеся от нормы, были смертельно опасны. Привычные картины, оставленные нам художниками, уютные комнаты рожениц с ушатами, полными горячей воды, и подогретыми полотенцами, соответствовали не столько действительности, сколько утопической мечте¹³. Каждые удачные роды отмечались в состоятельных кругах как праздник, а часто сразу за родами — и крещение, так что роженица иногда заболела только от одних празднеств, сопровождавших эти события¹⁴. Нормальным считалось очень большое число родов, и ежегодные беременности не были редкостью. О том, как часто умирали матери, свидетельствуют хроники, поминальные записи и могильные камни, под которыми похоронены две-три супруги и переживший их муж. Часто и мать, и ребенок умирали во время родов, но, конечно, еще чаще — младенец. Даже не доверяя чересчур сомнительной статистике, можно все-таки поверить преданию, что еще чуть ли не до конца XVIII в. шанс младенца выжить составлял один к трем или четырем. Причинами следует считать большие эпидемии, но, конечно, и плохие гигиенические и зачастую социально-экономические условия, а также распространенную, главным образом в высших слоях общества (особенно во Франции), порочную практику вскармливания детей кормилицами. Чтобы освободиться от ребенка, уход за которым сулит столько хлопот, даже женщины из среднего сословия ремесленников и мастеров ручного промысла отдавали своих детей в деревню кормилицам, а те подчас более заботились о доходе, чем о благе приемных детей. И наряду с грязью и болезнями, неправильным и недостаточным питанием, успокаивающими средствами, содержащими опиум и алкоголь, причиной смерти ребенка часто было полное к нему равнодушие. В сельских условиях, где несмотря на нездоровье, беремен-

¹⁰ *Purrücker B.* Knaben in «Mädchenkleidern»//*Waffen — und Kostümkunde*. I (1975). S. 71—89; II (1975). S. 143—161.

¹¹ *Ariès Ph.* *Geschichte der Kindheit*. München; Wien, 1975. S. 209 ff.

¹² *Ibid.* S. 92 ff.

¹³ *Zgliniski F., von.* *Geburt. Eine Kulturgeschichte in Bildern*. Braunschweig, 1983.

¹⁴ *Theopold W.* *Das Kind in der Votivmalerei*. München, 1981.

ность, необходимость ухода за ребенком, матери было не на кого переложить хотя бы часть своей работы в доме и в поле, детям, кроме того, еще угрожали животные, открытые колодцы и др. Чтобы хоть как-то физически уберечь их на время пребывания матери на работе, изобретались всевозможные «орудия пыток»: грудных детей привязывали накрепко к люльке и успокаивали нажеванным пряником, смоченным в водке, втискивали во всевозможные стоялки, ходилки и деревянные кольца. Никто и не думал о том, что эти применявшиеся во благо приспособления могут нанести ребенку большой вред¹⁵.

Все это отвечало всеобщему социальному представлению о младенце. Бесчисленные роды и смерти детей притупляли эмоции у матерей. Почти во всех слоях общества (если только речь шла не о единственных продолжателях рода и наследниках) ребенок до 4—5 лет как бы пребывал в зоне страшной опасности и его еще не причисляли по-настоящему к истинным людям. Когда, например, умирал маленький Иоганнес, родившемуся вслед за ним мальчику давали при крещении то же самое имя в надежде, что по крайней мере этот младенец сыграет свою роль в системе смен поколений семьи. На маленьких девочек обращали еще меньше внимания, и считалось вообще нежелательным, чтобы их было слишком много.

Дети бедняков и одиноких матерей, чаще всего нежеланные, уже с самого рождения подвергались крайней опасности, особенно при плохой медицинской помощи. Стало быть, до XIX в. начало жизненного цикла младенцев было не очень-то благоприятным. Отношение общества к младенцам выразилось и в одежде. Итак, и мальчиков, и девочек одевали в длинные юбки, и узнать пол детей аристократов и высшего сословия можно было только при помощи символического кода (рис. 1)¹⁶. На картинах это или специфичный ролевой подбор игрушек: кнутик, барабан, лошадка для мальчиков и куклы для девочек — или детали одежды: перо и розетка слева на чепчике, цепь и косо повязанный через плечо шарф на манер орденской ленты у мальчиков, розетка посредине чепчика, надо лбом, и ожерелье с кулоном у девочек. Дети бедных людей не удостаивались подобной знаковой системы, они носили обычно одежду, оставшуюся от старших братьев и сестер¹⁷. А насколько регламентация одежды сопутствовала детскому жизненному циклу вплоть до 50-х годов нашего века, можно увидеть на ряде изображений.

Первым большим этапом в жизни мальчиков было «опанталонивание». После преодоления «нейтральной зоны» страхов первых лет жизни оно означало, собственно говоря, включение мальчика в категорию мужчин. Убедительное иконографическое доказательство оставил нам Антонис ван Дейк, писавший в 1635 и в 1636 гг. английских королевских отпрысков, — принц Чарльз в 1636 г., впервые одевший в 5 лет панталон¹⁸.

Когда мальчики получали специфически мужскую одежду, для девочек еще сохранялась более или менее нейтральная одежда «среднего» рода; это отражает в какой-то мере оценку полов, бытовавшую в обществе. Изображения на старинных парадных портретах, а также на ежегодных семейных фотографиях, запечатлевавших сестер и братьев наших родителей и бабушек, свидетельствуют о важном значении, которое придавалось обретению мальчиком первого в жизни взрослого костюма. Первые панталоны были для мальчиков предметом большой гордости. О том, насколько этот предмет туалета определял их жизненные роли, мы читаем у Фридриха фон Бодельшвинга в его воспоминаниях: «Однажды родители отправились со мной в лавку, где продавалась всевозможная одежда. Я чуть не упал от радости, когда моя мама сказала: „Нам нужна пара для нашего малыша“. Когда выбрали нужный размер и цвет,

¹⁵ См. у Цглинского (сноска 13) под словом «Säuglingssterblichkeit».

¹⁶ Ibid. S. 281 ff.; Weber-Kellermann J. Die Kindheit. Kleidung und Wohnen, Arbeit und Spiel. Eine Kulturgeschichte. Frankfurt a. M., 1979. S. 33, 44 ff.

¹⁷ Ibid. S. 36 ff.

¹⁸ Ibid. S. 36 ff.

Рис. 1. Фотография детей из одной семьи. Маленький брат в юбочке (1895 г.)

меня посадили на прилавок, сняли с меня ненавистное девичье платье (моей сестры) и надели мне первые настоящие мальчишеские панталоны... На улице мне казалось, что все люди остановятся, чтобы полюбоваться на чудо моего преображения! Правда, этого не случилось, никто не заметил во мне ничего особенного, но во мне самом что-то изменилось. Теперь уж мои старшие братья никогда не позволяют себе пасмехаться над моей одеждой! Вместе с тем был чуть ли не начисто уничтожен авторитет сестры Фриды. Что с того, что она па три года старше меня! Она оставалась навсегда девочкой, а я стал мужчиной!»¹⁹

Обряд «Первые панталоны» часто сопровождался небольшими семейными праздниками с пирожными и шоколадом. Полагалось, чтобы этот славный предмет одежды дарил крестный; он и в данном случае, как и на крестинах, первом причастии, конфирмации и свадьбе, переводил своего крестника через порог новой жизненной ступени; это описано Пиноном на бельгийском материале²⁰.

А что же девочки? В чадолюбивую эпоху «бидермейер» появилась детская мода, поколебавшая гордость мальчиков своими панталонами. Ведь девочки в известной мере последовали их примеру, выставив на всеобщее обозрение свое новое белье — ослепительно белые панталончики, которые тем самым как бы возводились в ранг верхней одежды. Кроме того что они были практичны и стирались, они вносили кое-что новое и в знаковый язык одежды. Появление панталончиков связано с модой эпохи ампир — с высокой талией и длинной юбкой. Тогда они иг-

¹⁹ Bodelschwingh F. von. Aus einer hellen Kinderzeit. Bielefeld; Bethel, 1977. S. 15 ff.

²⁰ Pinon R. L'enfance en Wallonie. Liège, 1973, p. 69.

Рис. 2. Панталоны «трубочкой» эпохи «бидемайер» (1826 г.)

рали роль белья и их едва было видно. И только когда около 1820 г. талии удлинлись, а юбки стали все расширяться и укорачиваться, панталончики обрели качество предмета верхней одежды. Теперь одежду с панталонами носили и мальчики, и девочки, так как около 1820 г. мальчики перестали носить «скелетон» — брючную пару и надели поверх длинных белых полотняных панталон подпоясанную блузу. А к середине XIX в. подобные панталоны для девочек вышли из моды и разве только их обшитый кружевом краешек еще слегка выглядывал из-под подола юбки.

Судя по рассмотренным выше знакам моды, можно сделать вывод, что родители эпохи «бидермейер» тоже искали для своих детей общий знак детства и обрели его в белых стирающихся панталонах для мальчиков и девочек. К тому же длинные панталоны трубочкой стали после Французской революции символом буржуазных убеждений в противоположность коротким шелковым панталонам феодального времени, и этот выразительный модный силуэт мог оказать воздействие на детскую одежду (рис. 2). Нельзя не придавать значения и тому, что в это время в домах появляются детские — комнаты для детей с особой детской мебелью и все растущим числом игрушек.

Если мы продолжим «панталонную» тему и для второй половины XIX в., то обнаружится, что в кайзеровское время в Германии существовала социальная знаковая семантика, связанная с длиной мальчиковых брюк. Теперь это — более короткие штаны мальчиков из буржуазных семей, уже внешне отличающие их от мальчиков из низших слоев общества и удлиняющие срок их детства и зависимости от родителей.

Сначала из Англии пришли бриджи; они выглядели спортивно и даже в какой-то мере мужественно. Потом их сменили брюки до колен, кото-

рые, становясь все короче, обнажали колени и дополнялись носками-гольфами. Такова была мода для мальчиков в период, включавший обе мировые войны, и во многих воспоминаниях о детстве можно прочесть о тщеславном чувстве, с которым иной мальчик (а позже — и иная девочка) носили вплоть до самой зимы носки-гольфы, что выглядело важным испытанием на мужество как из-за холода, так и потому, что делалось это вопреки запрету матерей.

У рабочего же населения одежда мальчиков, наоборот, демонстрировала ранний переход к взрослой жизни: мальчики носили полудлинные или длинные штаны, чаще всего достававшиеся им по наследству; и только к конфирмации рабочая семья старалась купить сыну конфирмационную одежду — черный костюм. При попытке проанализировать моду на ношение коротких штанов мальчиками старшего возраста всегда обнаруживаешь две основные мотивировки, имевшие значение для родителей-буржуа. Существовала социальная необходимость удерживать как можно дольше на стадии детства сыновей (как, разумеется, и дочерей — но другими средствами), что одновременно означало и защищенность, и зависимость. Начинаясь тогда торговля детской одеждой, и прежде всего существовавшая с 1889 г. фирма Блейль с ее трикотажными и вязаными изделиями, способствовала развитию этой тенденции²¹. О ее товарах и услугах по обновлению «просиженных» штанов и продырявленных локтей со страхом и неприязнью вспомнит любой ставший пыне уже пожилым выходец из буржуазной семьи. Но вместе с тем в таких символах одежды, как короткие штаны, сказался растущий классовый дух эпохи грюндерства: 14–15-летний мальчик в коротких штанах был, совершенно очевидно для всех, сыном буржуа, а никак не учеником ремесленника или рабочим. Упомяну лишь, что мода на матроски еще более усугубляла эту знаковость (рис. 3). Во всяком случае не один чиновничий сын мечтал о времени, когда ему уже можно будет в длинных брюках подняться на жизненную ступень мужской юности.

На рубеже веков язык символов мальчиковой одежды изменился: эти знаки маркировали молодежное движение: короткие штаны стали визитной карточкой группы, начертавшей на своих знаменах как раз эмансипацию от буржуазного родительского дома и борьбу против затхлости эпохи грюндерства. Лозунгом молодежи была естественная, простая социальная жизнь и наряду с другими знаками, избранными этой группой для того, чтобы отличаться от других групп, она выступала и за короткие штаны. Но теперь они уже не были символом продления детства, а, напротив, знаком независимости поколения молодежи от поколения родителей и всего мира взрослых. Короткие штаны и голое колено связывались со спортивным, естественным поведением и закалкой. Потом через молодежное движение и союзы «следопытов» короткие штаны попали и к рабочей молодежи. Сначала этого трудно было добиться, и немецкий писатель Л. Турек вспоминает о времени своего пребывания в «Союзе рабочей молодежи» так: «Когда я явился в ближайшее воскресенье в обрезанных штанах, руководитель Союза молодежи прогнал меня, так как „Союз молодежи“ ведь не маскарад!», тем не менее число обрезанных штанов быстро возросло²².

Вот какими сложными путями развивалась мода, причем одно и то же объективное явление могло быть субъективным отражением совершенно разных процессов.

Позже национал-социалистские молодежные организации переняли, как и многое другое, этот элемент одежды и ввели его в свою униформу, и опять короткие штаны стали сигналом, знаком совсем иного содержания. Короткие штаны, как можно более короткие, превратились в опознавательный знак фашистской «народной молодежи» и интерпретировались их вождем Адольфом Гитлером с позиций расовой политики в

²¹ Weber-Kellermann I. Das Weihnachtsfest. Luzern; München, 1987.

²² Turek L. Ein Prolet erzählt. B., 1930. S. 39 ff.

Рис. 3. Матросский костюм

поразительно извращенном народно-эротическом духе: «Мальчик, пробежавший все лето в длинных штанах трубочкой, закутанный до шеи, уже из-за одежды упустил возможность физической закалки своего организма. А надо бы разбудить такие чувства, как честолюбие и даже, прямо скажем, тщеславную гордость красивым сложением, формирование которого зависит от каждого из вас. А это целесообразно и для будущего. Пусть девушка знает своего рыцаря!». Иными словами — короткие штаны для демонстрации красивых прямых ног арийского молодца!

После второй мировой войны мальчики носили то, что было в наличии, только кожаные штаны завоевали успех от Мюнхена до Гамбурга и одинаково нравились как родителям, так и детям своей практичностью и, конечно, тем, что они — «типично немецкие». Лишь в конце 1950-х — в 1960-х годах настала «великая перемена», провозгласившая новое в детской и молодежной одежде: появились джинсы.

О джинсах написано так много, что я могу довольно коротко охарактеризовать эту моду²³. Они пришли из Америки сначала как «брюки с отстроченными швами» рокеров — членов неформальных объединений молодежи — и соответственно осуждались большинством тогдашних родителей. На заре эпохи джинсов иной мальчик страстно сражался за право иметь такие брюки, и первый день в «настоящих» джинсах сохранялся в его памяти может быть прочнее, чем обычные памятные даты юношеского жизненного цикла. Тогда писатель из ГДР Ульрих Пленцдорф устами своего молодого героя Эдгара Вибо горячо и убежденно воспе-

²³ Weber-Kellermann I. Brauch — Familie — Arbeitsleben. Marburg, 1978. S. 114 ff.; Jeans. Beiträge zu Mode und Jugendkultur. Tübingen, 1985; см. eadem Die Kindheit. Kleidung und Wohnen... S. 247 ff.

«настоящие джинсы», оставив нам поэтическое свидетельство связи жизненного цикла с одеждой: «А говорю я про настоящие джинсы, само собой. Сейчас настрочили всякого барахла и все джинсами пазывают. Тогда уж лучше пагишом ходить. Например, с молнией впереди — это уже не джинсы. Вообще настоящие джинсы бывают только одного фасона. Кто носит настоящие джинсы, тот меня поймет. Хотя, конечно, если кто носит настоящие джинсы, это еще не значит, что он и толк в них знает. Джинсы надо с толком носить. А то натянут и сами не понимают, что у них на ляжках. Терпеть не могу, когда какой-нибудь двадцатипятилетний хрыч втиснет свои окорока в джинсы, да еще на талии стянет. Это уж финиш. Джинсы — набедренные штаны! Это значит, они должны быть узкими и держаться просто за счет трения, иначе они у тебя с бедер сползут. И тут, конечно, нельзя, чтобы бедра были толстые. а уж толстый зад и подавно — тогда они просто в застёжке не сойдутся. В двадцать пять лет этого уже не понять. Это все равно что у тебя партийный значок, а ты дома жепу колотишь. Вообще, джинсы — это весь человек, а не просто штаны. Я даже иногда думал: нельзя жить дольше семнадцати, ну, восемнадцати лет»²⁴.

В этом тексте конца 1968 г. джинсы показаны в первую очередь как неотъемлемая часть молодежной культуры, и только потом уже — как торговая мода. Это повлекло за собой различия в цене и престижности «настоящего» и общераспространенного, что уже случалось и раньше с другими предметами молодежной одежды. Так было с «настоящим» кильским матросским костюмом, что отрицательно повлияло на детей, но зато вполне отвечало интересам рекламы и общества потребления. «Настоящее» как знак положения в обществе!

Здесь следует коснуться и другого феномена: джинсы — и вообще брюки — стали теперь детской одеждой, и притом одеждой и для мальчиков, и для девочек. Это начинается уже с первых ползунков грудного ребенка. «Первых панталон», надевание которых когда-то столь четко направляло жизнь мальчиков и девочек по различной «одежной стезе», уже не существует. Все носят панталоны, а за джинсами долго оставалась самая устойчивая за последнее время тенденция моды. Хотя девочкам, отказывавшимся носить изящные платьица, сшитые их матерями, и предпочитавшим им джинсы, и приходилось часто вступать в ожесточенную борьбу со старшими, они все-таки победили: теперь кто угодно может носить, что ему угодно, и всем можно носить все.

Следовало бы глубоко проанализировать смысл такого нового отношения к одежде, удерживающегося уже на протяжении десятилетий, — означает ли оно эмансипацию, связанную с удобством, тягой к спортивности, теплу, или тягу к моде и т. п.? Но уже несомненно, что эта новая одежда для детей, не связанная с определенным полом и возрастом, предоставляет им большую степень свободы и непринужденности.

Однако довольно о панталонах и их знаковом характере. Мы добрались до другого важного отрезка детской жизни — поступления в школу.

Обычно оно начинается торжественным вручением новому школьнику «школьного кулька». Леопольд Шмидт исследовал историю этого обряда в Вене, куда он распространился из Германии только после второй мировой войны. Считают, что в Баварию он пришел тоже поздно, с севера, а для средней и северной Германии «Атлас немецкой этнографии» документирует его уже в 1930 г. как «старинный». Несомненно, это так и было, ибо родившийся в 1899 г. Эрх Кестнер рассказывает, как о чем-то само собой разумеющемся, о своем поступлении в школу с кульком, полным лакомств: «Господин Бремзер усадил нас всех по росту за парты и записал наши имена. Родители толпились у стен и в проходах, ободряюще кивали сыновьям, охраняли фунтики со сладостями. Это было их главной задачей. Они держали в руках маленькие, средние и большие конусообразные кульки со сладостями, сравнивали

²⁴ Пленцдорф У. Новые страдания юного В. // Иностранная литература. 1973. № 12. С. 112—113.

их объемы и, смотря по результатам, завидовали или гордились. Посмотрели бы вы на мой фунтище. Ярко раскрашенный, будто сотня видовых открыток, тяжелый, как ведро с углем и такой большой, что он доходил мне до кончика носа!»²⁵.

Происхождение этого «лакомого знака» первоклассников любят связывать с поверьем о дереве, увешанном кулками с лакомствами, растущем якобы в подвале школы; учитель срывает их для прилежных детей. Рассказывают, что такой же кулек аист кладет в утешение на кровать тем детям, у которых появляется братик или сестричка.

Однако утешение — не основная функция «школьного кулька». Большинство детей чрезвычайно горды и счастливы перейти от статуса малого ребенка к статусу школьника и подняться на новую жизненную ступеньку. Заставляет задуматься и то, что обряд «школьных кулков» распространен преимущественно в городе. В деревнях, например на Рейне, первоклассникам пекли большие крендели. Но это — совсем не то, что школьные кульки. Попробуем предложить структурный анализ. Вступая в свой первый школьный день, дети пересекают границу от нешкольника к школьнику, от невежды — к ребенку, которому открывается возможность обретения знаний. Потому ребенок и получает в этот день символическую награду — «школьный кулек», официально, публично подтверждающий его новый статус. Начальная концентрация обряда в городах указывает на особое рвение к образованию городских буржуазных слоев, заинтересованных в том, чтобы их дети посещали школу. В 1950 г. в Дрездене вышла рекомендуемая учителями «Книжка о кулках со сладостями для всех детей, впервые идущих в школу». Поэтому местом рождения обряда школьного кулька, может быть, следует считать Саксонию. Как бы то ни было, это был важный, одобряемый родителями городской обычай, лишь позднее распространившийся и на сельскую местность. Ведь в традиционном сельском обществе оказание детьми хозяйственной помощи родителям (а дети пасли птицу и скот, работали на сборе урожая и картофеля) ценилось гораздо выше, чем посещение школы.

В городах в обряде школьных кулков со временем сформировалась собственническая иерархия: первоклассники и их родители соревновались за самый большой кулек!

Если школьный кулек маркировал нового школьника, отделяя его от нешкольников, то школьный распорядок, тщеславие учителей и престижное сознание родителей культивировали теперь уже в стенах школы множество знаков различия, четко маркировавших периодизацию школьной жизни. Начнем с женского и мужского в школьном понимании. Не говоря уже о том, что у нас в Германии совместное обучение было введено очень поздно, девочки и мальчики различались, кроме того, и по форме школьных ранцев. На рождество, перед началом второго полугодия, мальчикам дарили кожаный ранец с длинным клапаном и двумя застежками внизу, а девочкам — с клапаном до середины ранца и одной застежкой (рис. 4). Эти тонкие различия считались само собой разумеющимися: девочку с унаследованным мальчишеским ранцем в школе высмеяли бы. Детей радовало это доказательство их перехода на новую возрастную ступень, связанную с идентификацией их личности, — ведь отец выводил обычно на внутренней стороне ранца красивыми печатными буквами имя ребенка. Но еще важнее был день, когда 11- или 12-летние дети получали в подарок портфель, и можно было сменить детский ранец, висевший за спиной, на взрослый, хотя и нарушавший осанку, портфель, который носили под мышкой.

Сегодня, слава богу, стерлись и исчезли эти барьеры и ступени, и школьники носят ранцы ярких цветов в стиле «попарт» в полном соответствии с медицинскими требованиями и правилами уличного движения. Старшие дети не задумываясь и без возражений тоже носят ранцы на спине.

²⁵ Кестнер Эрих. Летающий класс. Повести. Л., 1988. С. 524.

Рис. 4. Первые символы школьной жизни — «школьный кулск», ранец, сумка

В старом буржуазном обществе в школе ареной беспощадной классовой борьбы в полном смысле этого слова стал еще один символический знак — школьная фуражка (рис. 5). Еще в моем поколении, да и в предыдущих, она сигнализировала о продвижении мальчиков по школьным ступеням и отличала гимназистов от негимназистов. Школьные фуражки были почти всегда обязательны для старших классов мужских школ, а изредка встречались и в женских лицеях. Они изготавливались обычно из сукна, и для двух старших классов — из материи высокого качества, с козырьком из лаковой кожи и разноцветными полосками, указывающими на класс. Цвета менялись в зависимости от школы и края и служили знаком того, что данный юноша приближается к экзаменам на аттестат зрелости и тем самым к студенчеству. Даже самый осторожный анализ этой иерархии фуражек позволяет сравнить ее с системой военных рангов. Каждый последующий класс всегда отличается от предыдущего дополнительным зрительным сигналом. Таким образом, фуражки позволяли распознать не только то, что перед вами гимназист совершенно определенной школы, — они давали возможность судить об успехах, возвышающих ученика от класса к классу, или о позоре оставления на второй год, а стало быть, они поддерживали одновременно стремление к успехам и «сословное» высокомерие. Кроме

Рис. 5. Школьные головные уборы (1897 г.)

того, по фуражкам можно было осуществлять внешкольный контроль учителей за учениками — почти как на военной службе. Когда нацисты заменили эту иерархию собственными правилами ношения униформы и, как, например, в Марбурге, публично сжигали студенческие фуражки на рыночной площади, многие молодые люди приветствовали это псевдосоциалистическое действие, не поняв, что на смену «пресловутому» классовому, как они говорили, придет смертоносное общество, построенное по принципам расизма.

Школа была и остается важнейшим этапом жизни детей, который в свою очередь делится на определенные периоды. Предназначенная для образования, она является также инструментом тренировки и приспособления к современному производительному обществу и тем самым первой поддающейся исчислению системой правил, с которой встречается ребенок. Но вместе с тем она дает и возможность усвоить правила взаимного общения и заключить первые глубокие и забываемые дружеские связи. Удивительно, что старая традиционная этнография так мало занималась этой важной жизненной средой! Что можно было бы извлечь из одних только ежегодных классных фотографий, расположенных в хронологическом порядке, если признать, что они являются документами долгосрочной фазы ориентирования? На таких фотографиях можно, например, увидеть учеников католической деревни под Марбургом во главе со своим учителем, аккуратно расположенных рядами. Маленькие девочки в 1948 г. почти все еще в деревенской одежде, но обязательно в школьном фартуке, с руками, сложенными на коленях, — в позе, обязательной для церкви, школы и фотографа. Единообразные позы сигнализируют об их сельском статусе, который в данном случае специально подчеркивает, что перед нами не дети, а «маленькие взрослые». Одетые в коротенькие фольклорные костюмы своей деревни, они шаг за шагом подвигались к «повзрослению» по заранее намеченному для них жизненному плану. А можно найти среди этих фотографий совсем иной снимок класса городского лица 1920-х годов, на котором в разных позах изображены вокруг своего учителя тогдашние девочки-подростки, то робкие, то самоуверенные. Но позы на обеих фотографиях синхронно отражают дух своего времени.

Жизненный цикл, наблюдаемый изнутри, обнаруживает такие рубежи, значения которых для ребенка многие не замечают, особенно если эти рубежи формируются вне семейной жизни. Так, например, в доиндустриальное время был четко определен порядок наследования: сын купца обязательно наследовал дело отца, который с гордостью заказывал художнику двойной портрет — он с сыном в кладовой. На фотографии крестьянской семьи полагалось быть всем тем, кто работал в данной усадьбе: на переднем плане сидят на скамье хозяин в шляпе, его жена и дети. Подростающий молодой работник в доказательство того, что он находится на пути к зрелости, обязательно держит в руках какое-нибудь орудие сельскохозяйственного труда.

В наше новое время для городского подростка такие важные жизненные этапы отделились от семьи и сконцентрировались скорее в сулящем равноправие обществе ровесников. Незабываема первая поездка без родителей, жизнь в молодежном лагере, первая ночь в палатке. К таким же важным этапам относятся и игра в «дочки-матери» с вожденной игрушечной коляской, и первый выход «на люди», первый велосипед и знакомство со всей относящейся к нему техникой, а потом — взрослый велосипед с девятью скоростями! А сесть впервые на мотоцикл и включать скорости! Сельский же ребенок ощущает, наверное, как жизненный рубеж тот день, когда ему впервые разрешили активно участвовать в старинном обряде и вместе с товарищами на законном основании требовать яйца у крестьянки.

Как чувствует себя ребенок, когда ему позволяют позже ложиться спать, смотреть телевизор или пойти на детский праздник или когда он вместо детской кроватки с сеткой получает большую кровать?

Перечень таких «первых переживаний», важных для детской биографии, можно было бы продолжить. Но задача моя была в том, чтобы прежде всего вскрыть исторические и специфические для каждого класса различия между индивидуализированными буржуа и более приверженными к норме крестьянами, а наряду с ними, среди них — и рабочими. Дети рабочих были желанными товарищами в играх на улице, но их редко приглашали в буржуазные дома. А чаще всего они были уже вовлечены в трудовую жизнь, когда дети буржуа все еще ходили в школу.

Наконец, назовем еще один детский обряд, неизменно сопровождающий ребенка в его продвижении по ступеням жизненной лестницы — день рождения. Берлинский этнографический музей посвятил этой теме весьма оригинальную выставку с эффектным каталогом, составленным Региной Фалькенберг, которая на основе анкетного опроса выяснила, что детские дни рождения или именины в городах стали праздноваться раньше, чем в деревнях (рис. 6). Это полностью соответствовало сельскому взгляду на детство как подготовительную фазу к трудовой жизни взрослого. Как мог 5-6- или 7-летний ребенок считаться чем-то столь важным, чтобы праздновать его день рождения? Поэтому в школьном букваре 1900 г. в издании для города на букву «G» значилось: «Geburtstag» (день рождения), в то время как в издании для сельских школ с буквой «G» знакомилась по слову «Getreide» (зерно). Такое отношение к дате рождения вполне соответствовало неиндивидуальной, внеличностной форме мышления доиндустриального общества. Но и для ребенка из буржуазной среды день его рождения раньше был скорее семейным, чем личным праздником. Являлись дедушки и тетушки и, конечно, двоюродные братья и сестры, и все сидели за кофе в лучшей комнате, а детям разве что разрешалось играть в соседней. Только после первой мировой войны детский день рождения стал воистину праздником ребенка. Субъективный характер этот праздник приобретает благодаря обилию таких ритуальных знаков, как свечи, цветы, специально испеченный кекс и прежде всего подарки, которые ценились не только по их рыночной стоимости, но и по символическому языку, понятному всем участникам праздника. Самое важное здесь — детское общество, то, что ребенок сам может пригласить своих гостей заранее

Рис. 6. День рождения

напечатанными билетиками. Ни с чем не сравнима радость, когда ребенок как истинный хозяин праздника встречает своих друзей.

С социально-исторической точки зрения, можно было бы снабдить эволюцию этого детского праздника этикеткой: «От семейного праздника к празднику детскому» — ведь сегодня дети, начиная уже с 9 лет избегают присутствия взрослых на «их» празднике. Тем самым культурная символика отражает начинающуюся во все более раннем возрасте индивидуализацию нашего современного общества. Это влечет за собой много свобод, множество возможностей вести себя, одеваться и обставлять квартиру в соответствии с собственными склонностями — короче говоря, попробовать быть самостоятельным. Это прекрасно, но вместе с тем и сложно, особенно когда потом под действием таких жизненных трудностей, как безработица, отсутствие работы по специальности или тяжелая работа, рушится надежная сеть былой стабильной принадлежности к семье и окружающему обществу. Но из путешествия в новое нет обратного билета, и нельзя снова вызвать к жизни ритм старого жизненного цикла. Сегодня требуется много такта и понимания, чтобы освободиться от старых преград социального расслоения и разграничения поколений и использовать нетрадиционные, но полезные формы коммуникации людей. Вместе с тем это — конец когда-то действовавших норм, которые сегодня кажутся уже устаревшими.

При этом важной задачей европейской этнографии является изучение обрядов и особенностей поведения, сопровождающих жизненный путь еще и сегодня, с целью установления заложенного в них социального смысла.

Перевод Б. Е. Чистовой